

К ВОПРОСУ О РОЛИ И.В. СТАЛИНА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется философско-теоретическое наследие И.В. Сталина, которое автор делит на два этапа. Stalin начал как ортодоксальный марксист и выступал в этом качестве как идеолог и политик на протяжении долгих лет. Лишь в своих последних работах он наметил пути создания русской национальной идеологии, синтезирующей марксизм и достижения русской философской мысли. Марксистская философия в поздних работах Сталина начинает терять интернациональные черты и превращаться в могучий инструмент укрепления русской национальной духовности и патриотизма.

Ключевые слова: философско-теоретическое наследие И.В. Сталина, ортодоксальный марксист, идеолог, политик, русская национальная идеология, марксистская философия, духовность, патриотизм.

В современных солидных курсах истории русской философии отношение к грандиозной фигуре И.В. Сталина (1878/9 – 1953) варьируется – в зависимости от политической ориентации и степени патриотизма автора того или иного учебного курса или соответствующего его раздела, где дается оценка «вождя народов». Большинство авторов солидарно в оценке Сталина именно как философа-марксиста. Многие поругивают его за «отступление от ленинских норм», другие – именно за то, что Stalin последовательно был «Лениным сегодня». Третьи не только не считают возможным именовать Сталина философом, но и вообще отказываются находить у него философскую составляющую мировоззрения, да и порой само мировоззрение вообще, находя уже в маленьком ученике горийского духовного училища жестокого тирана и беспринципного палача.

Подойдем к этой проблеме без гнева и пристрастия. Видимо, сам Stalin не считал себя «профессиональным» философом, но и никогда не отрицал своей приверженности философии марксизма. Например, в работе «Марксизм и вопросы языкоznания» он лишь скромно отмечает: «Что касается марксизма в языкоznании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение» [1, 3, 321]. Рассматривать Иосифа Джугашвили-Stalina, в течение своей жизни никогда не расстававшегося с книгами, целиком свободным от проблем философии, никак нельзя. В семинарии давали крепкое и разностороннее образование. Начиная со времен Горбачева, историки много раз иронизировали над «катехизисным» стилем мышления Сталина. В чем-то такая ирония, может быть, и оправданна, но было бы грубейшей ошибкой изображать молодого Сталина

бездушным автоматом, механически усваивающим догмы православной церкви. Бездушные автоматы не пишут стихи, а молодой Иосиф Джугашвили был поэтом. Поэтический взгляд на мир родственен философскому. И философ, и поэт обладают богатой чувственностью и интуицией, способностью внерационального постижения истины. Только если философ чаще всего пытается объяснить мир с помощью категорий и понятий, то поэт тяготеет к созданию ярких, запоминающихся образов.

Первой философской любовью будущего Сталина стал марксизм. Семинаристам было легко усваивать марксистские догмы. Религиозное воспитание подготовило их к осознанию необходимости жертвенного служения угнетенным, сформировало презрение к неправедному богатству, облегчило веру в грядущее царство справедливости, где воцарится новый мессия – Всемирный пролетариат. Лишь Бог отменялся, но это давало возможность семинаристам жить в миру и наслаждаться его радостями. Великая утопическая идея «Кто был ничем – тот станет всем» притягательна для молодых бедняков во все времена. Иосиф Джугашвили не был исключением, поэтому в 15 лет он связал свою судьбу с революционным движением.

Отметим, что довольно неравномерно, но бурно развивавшийся русский капитализм укрепил у русских демократов веру в необходимость избежать капиталистического пути. Основной чертой молодой русской интеллигенции стало презрение и ненависть к зверскому капитализму первоначального накопления, нарождавшемуся в России. Современник молодого Сталина отмечал: «Мы презирали грязь материальных похотей, банков, концессий, нам было душно в чаду акций, дивидендов, разных

узаконенных мошенничеств...» Мечтой русских интеллектуалов стала справедливость. Русская ментальность носила ярко выраженный анти-капиталистический характер. Поэтому прав Николай Бердяев: «В России интересы распределения и уравнения всегда превалировали над интересами производства и творчества».

Сталин понимал, что для России всегда был характерен примат духовного над материальным, поэтому у нас марксистская формула о том, что бытие определяет сознание, может быть верной лишь частично. Неизвестно, читал ли молодой человек, так и не ставший священником, труды философов помимо работ основоположников марксизма. Можно строить разные предположения. У Михаила Булгакова в пьесе «Батум» Сталин читает «Философию природы» великого Гегеля. Неизвестно, правда это или лишь лестный для вождя домысел, но в библиотеке Сталина труды Гегеля были, и на их страницах сохранились сталинские пометки. Но о том, что Сталин неплохо знал историю в целом и историю философии – в частности, свидетельствует тот факт, что молодой поэт пишет о Сократе стихи, вдохновленный жизнью и смертью афинского мудреца:

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.
Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли. [1, 1, 2]

Автор данной статьи знаком практически со всеми отечественными и многими зарубежными биографиями Сталина, но ни один историк почему-то не привел эти стихи-раздумья молодого семинариста о судьбе великого философа. Наверное, многие исследователи изначально «программировали» себя на создание образа жестокого тирана, лишенного каких бы то ни было человеческих качеств и не способного к какому-либо поэтическому творчеству.

Критиковать Сталина у отечественных «демократов» стало традицией, причем критика эта носит чаще всего огульный и бездоказательный характер. Историк Рой Медведев (философ по образованию) голословно утверждал

ет: «Будучи дилетантом в области философии, Stalin обеднил и упростил диалектический материализм. Многочисленны ошибочные положения Сталина в историческом материализме» [2, 627]. Но известный в прошлом диссидент не только не утруждает себя точным перечислением этих «ошибочных положений», но даже одно-единственное назвать затрудняется. Зато в вину Сталину Медведев не постеснялся поставить даже введение преподавания латинского языка в части школ в 30-е годы – «постепенное возрождение атрибутов старой гимназии» [2, 617].

Уже в самом начале своей политической деятельности Stalin пытается выступать в роли теоретика. В 1905-1907 гг. он публикует несколько статей под общим названием «Анархизм или социализм?». В них он популярно характеризует диалектический метод, взгляды анархистов на этот метод, материалистическую теорию, философию анархистов, представления анархистов о социализме. Разумеется, в этих популярных статьях Stalin не поднимается до хотя бы скромных теоретических высот, добросовестно и небасталанно излагая азбученные истины марксизма. Интересно, что Ленин на словах провозглашал известную формулу «марксизм – не догма, а руководство к действию», а на деле обосновывал необходимость подавления любой критики собственного учения. Любое творческое развитие марксизма грозило обвинением в ревизионизме. Ленин прекрасно понимал, что он использовал лишь революционные элементы марксизма, совершив проигнорировав гуманистический потенциал этой философии. Ленину догматизация марксизма была необходима для достижения своих политических целей, завоевания власти в России. Уже в работе «Что делать?» Ленин потребовал прекратить развитие марксистской теории и признать ее незыблевой, не подлежащей даже обсуждению, а тем более – критике.

Поэтому Stalin в своих популярных статьях ни на йоту не отступает от «Капитала» и «Нищеты философии» К. Маркса, работ Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Вот образец его рассуждений о диалектике: «Диалектика говорит, что в мире нет ничего вечного, в мире все преходящее и

изменчиво, изменяется природа, меняется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина, – поэтому-то диалектика и смотрит на все критически, поэтому-то она и отрицает раз навсегда установленную истину, следовательно, она отрицает и отвлеченные «догматические положения, которые остается только зазубрить, раз они открыты» (см. Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах») [1, 1, 76].

В статье «Диалектический метод» из цикла «Анархизм или социализм?» Stalin характеризует философскую систему Гегеля как метафизическую, «опирающуюся на неизменную идею», но добавляет, что «диалектический метод Гегеля, отрицающий всякую неизменную идею, является от начала до конца научным и революционным» [1, 1, 77]. Позднее Stalin охарактеризует философию Гегеля как аристократическую реакцию на французскую революцию, что было не только не по-марксистски, но и в целом ошибочно.

Философские воззрения Сталина изменились вместе с его духовным ростом. Как и у Ленина, не боявшегося кардинально менять свои прежние взгляды, воззрения Сталина постоянно изменялись. Ведь саму жизнь Сталина можно подразделить на два взаимоисключающих этапа. На первом этапе, с момента начала своей революционной деятельности вплоть до смерти Ленина, Stalin являлся активным пособником преступной деятельности В.И. Ульянова-Ленина и так называемой ленинской гвардии, костяк которой составляли большевики-интернационалисты, революционные космополиты, фанатично уничтожившие ради идеи коммунизма миллионы русских людей. Для Ленина и большевиков Россия была лишь экспериментальным плацдармом для раздувания пожара мировой революции. На втором этапе своей жизни Stalin становится русским государственным деятелем, усилиями которого, по сути дела, была осуществлена национальная революция, свергнувшая власть большевиков-сионистов, в значительной степени (но далеко не полностью) возродившая былое значение русского народа.

Произошло превращение (хотя и неполное и несовершенное) большевистского «Савла» в русского патриота «Павла», то есть Сталина как одного из руководителей антирусского движе-

ния – в Сталина как национального вождя русского народа. Это превращение происходило не сразу, процесс этот, начавшийся еще в конце 20-х годов XX века, растягивается на все тридцатые годы, приобретя итоговое завершение лишь в великую и страшную эпоху Великой Отечественной войны. Могучая русская цивилизация духовно подчиняет себе большевистского вождя, освящая его деятельность положительным содержанием. Гений Сталина состоял в том, что он сумел идею коммунизма из орудия разрушения России превратить в инструмент русской национальной политики, укрепления и развития Русского государства. Сама марксистская философия у Сталина в его поздних работах начинает терять интернациональные черты и превращаться в могучий инструмент укрепления русской национальной духовности и патриотизма.

Можно предположить, что фундамент русской государственной идеологии, пробудившейся у Сталина в 30-40-е годы XX века, был заложен у него во время обучения в духовном училище и православной семинарии. Stalin, единственный из крупных большевистских вождей, имел духовно-религиозное образование. Как справедливо отметил русский духовный писатель отец Дмитрий Дудко: «Если с Божеской точки посмотреть на Сталина, то это в самом деле был особый человек, Богом данный, Богом хранимый... Stalin сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира. Stalin с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек. Не случайно в Русской православной церкви ему пропели, когда он умер, даже «Вечную память», так случайно не могло произойти в самое безбожное время. Не случайно он и учился и в духовной семинарии, хотя и потерял там веру, но чтоб по-настоящему ее приобрести. А мы этого не понимаем... Но самое главное все-таки, что Stalin по-отечески заботился о России» [6].

В 20-е годы Stalin не претендовал на роль теоретика, и его фигура не особенно выделялась в среде философствующих большевиков. В 1924 году он прочитал в Свердловском университете в Москве ряд лекций, которые «Правда» опубликовала под общим заголовком «Об основах ленинизма». Позднее Stalin дополнил эту работу рядом статей и полемических очерков и издал сборник «Вопросы ленинизма». Именно эта книга, в которую каждый год включались новые

материалы, с конца 20-х годов постепенно стала главным пособием для преподавателей курса «Основы ленинизма». Никакого культа тогда еще не было, и данный сборник рассматривался как основной, но отнюдь не единственный теоретический труд по основам ленинизма.

В декабре 1930 года Stalin дал интервью группе философов из Института красной профессуры. Выдвигая задачу борьбы с «меньшевистствующим идеализмом» Деборина и Плеханова, Stalin отметил, что именно Ленин был главой русского марксизма, и призвал «не обращать внимания» на скромность Ленина, отнюдь не считавшего себя профессиональным философом. В сентябре 1931 года журнал «Большевик» опубликовал статью, в которой не только развивалась эта мысль Stalina, но и указывалось, что «необходимо разработать материалистическую диалектику», но исключительно «на основе трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Stalina...». Так впервые сам Stalin был причислен к лицу классиков от марксизма. Он стал равным среди четырех.

В ознаменование пятидесятилетия годовщины со дня смерти Маркса «Правда» в 1933 году отмечала, что необходимо изучать Маркса именно по трудам Stalina. Так постепенно философия становилась непременным атрибутом вождя коммунистической партии, Верховного жреца Учения. Именно Stalin дал классическое определение ленинизма как «марксизма эпохи империализма и пролетарской революции», как «теории и тактики диктатуры пролетарской революции вообще, теории и тактики диктатуры пролетариата в особенности» [1, 2, 7]. В 1935 году академик Митин объявил о написании работы «Анархизм или социализм?» как о рождении гениального труда, назвав эту stalinскую работу «наиболее зрелым итогом в развитии человеческой мысли». Причем Митин всячески подчеркивал, что труд Stalina появился ранее «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина.

Stalin прекрасно понимал, что никакой «пролетарской революции» в России не было. Недаром в работе «Марксизм и вопросы языкоznания» он употребляет верный по своей исторической сути термин «Октябрьский переворот». В России, крестьянской стране по преимуществу, перед Октябрьским переворотом промышленного пролетариата было, по разным источникам, от 0,8 до 1,9%. О какой же диктатуре

пролетариата можно было вести речь?! Не лучше ли было назвать вещи своими именами и заговорить о диктатуре партии, которую он понимал как некий «орден меченосцев», который применяет насилие над всем населением страны. Он помнил слова Ленина: «Россия завоевана большевиками». Stalin в полной мере воспринял революционную сущность марксизма. Как большевик, Stalin воплотил в реальность мысли Маркса, который говорил о необходимости и даже желательности революционного насилия. «Существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, одно средство – революционный терроризм» [3, 5, 494], – писал Маркс.

No Stalina, как и Lenin, оставил в тени гуманистическую составляющую марксизма. Ведь Маркс на протяжении всего своего философского творчества решал все теоретические, духовно-практические проблемы сквозь призму органически гуманистичной философской антропологии. Величайшее богатство для человека есть другой человек, смысл жизни человека состоит в безграничном саморазвитии безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу [3, 46, часть 1, 476]. Великий принцип Маркса «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» не часто вспоминали в Советской России. Но и для этого можно найти целый ряд объяснений. Прежде всего не следует забывать о традиционной ненависти Запада к России, именно к России как таковой – вне зависимости от политической власти в стране. Stalin понимал, что страна находится в кольце врагов, и искал соратников в международной политике – прежде всего идейных.

В конце 30-х годов Stalin высоко оценил главный философский труд Lenina «Материализм и эмпириокритицизм», вновь выступив талантливым популяризатором. Разбросанные по всей книге сумбурные теоретические выкладки Lenina и его яростные нападки на врагов Stalin суммирует в шести четких выводах, дающих представление о сути lenинского теоретического труда. Но этого мало, и Stalin, прекрасно понимая необходимость ознакомления рядовых партийцев хотя бы с основной философской терминологией, пишет специальную популяризаторскую работу. Как известно, эту

теоретическую работу под названием «Оialectическом и историческом материализме» Сталин включил в «Краткий курс истории ВКП (б)», выпущенный в 1938 году, в качестве второго параграфа четвертой главы. Философский очерк Сталина непосредственно примыкает к «Анти-Дюрингу» и «Материализму и эмпириокритицизму» и по своему содержанию ориентирован формально рационалистически. Stalin называет dialectический материализм мировоззрением марксистско-ленинской партии, а исторический материализм (социальная философия марксизма) именуется распространением положений dialectического материализма на изучение общественной жизни.

В молодости Stalin самоучкой освоил большое количество scholastической марксистской литературы, а в более зрелые годы не переставал читать труды по истории, философии и некоторым естественным наукам. Будучи еще юношей, «романтиком революции», он, как никто другой, знал настоящую суть революционной работы и, по-видимому, в зрелые годы возненавидел ее.

В квартире Сталина в Кремле и на его дачах были большие библиотеки, содержащие преимущественно литературу по истории, философии, экономике. Книги постоянно использовались, Stalin читал и делал пометки на полях. Люди, которым довелось видеть написанные его рукой письма, статьи и постановления, высоко оценивали его интеллектуальные возможности. Правка Сталина на текстах многих документов была точна и позволяла видеть в нем тонкого политического деятеля, хорошего стилиста, отлично владевшего русским языком. Пометки Сталина на страницах сотен книг его библиотеки свидетельствовали о широте его знаний, о том, что он читал не только труды марксистов, но и произведения многих зарубежных ученых. С большим презрением Stalin относился к ateистической литературе наподобие «Библии для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского (Губельмана). В одной из своих записок 1920-х он называет такую литературную продукцию «антирелигиозной макулатурой».

Зверства братоубийственной Гражданской войны, геноцид 1920-х, в том числе и собственную вину за участие в этих чудовищных антирусских актах, Stalin списывал на «врагов

народа». А ведь и в самом деле, большая часть репрессированных в 1937 и последующие годы были подлинными врагами русского народа. Stalin «воздал должное» тем «ультрапреволюционерам», всем этим троцким-бронштейнам, каменевым-розенфельдам, зиновьевым-апфельбаумам, всем этим «наумам бесстрашным» (если использовать образ B. Катаева), «юрким» революционерам, пролившим в годы революции столько крови, а теперь, в свою очередь, ставшим жертвами репрессий. Stalin как бы стал выразителем исторического возмездия, палачом палачей, который положил конец их мечтам о «красных колесницах мировой революции». Недоучившийся семинарист хорошо помнил Библию: «Мне отмщение, и аз воздам...» Недаром прекрасный писатель Михаил Булгаков делится во время арестов Л.Л. Авербаха, Г.Г. Ягоды и других деятелей своими размышлениями об этом со своим другом и первым биографом П.С. Поповым, а Е.С. Булгакова заносит в дневник их общие с супругом мысли: «Отрадно думать, что есть все-таки Немезида и для этих людей...» [4]

Уничтожая большевистскую гвардию, Stalin не только разделялся с соперниками в борьбе за власть, но и в какой-то степени искупал свою вину перед русским народом, для которого казнь сионистских революционных погромщиков была актом исторического возмездия. Позднее Stalin пришел к выводу, что единственным путем укрепления государства являются национальные начала (в том смысле, как это понимал сам Stalin, – государственный патриотизм, национальная гордость великороссов, использование положительных исторических примеров).

Stalin эффективно боролся со многими проявлениями антирусского национализма, который агрессивно проявлял себя по отношению к русскому народу под видом культурных автономий и разных национальных учреждений, представители которых открыто стремились принизить значение русского народа. В годы Великой Отечественной войны Stalin, несмотря на невероятные трудности, сумел сплотить вокруг себя лучших русских военачальников и, опираясь на русский патриотизм, уничтожить сильного врага, обладавшего на первом этапе войны значительным превосходством в численности войск и вооружении.

На праздновании по поводу победы России в войне над Германией Сталин произнес тост за русский народ, назвав его определяющей и решающей силой Великой Победы. После войны, понимая, что стабильность Русскому государству может создать только русский народ, Сталин проводит последовательную политику преимущественной поддержки русских кадров не только в центре, но и в союзных республиках. Русские кадры составляли костяк всей системы управления СССР. Самые малейшие проявления местечкового национализма жестоко пресекались.

Многие духовно-нравственные основы русского народа становятся идеологическим ядром государственности и открыто провозглашаются в органах партийной печати. На повестку дня встал жизненно важный для Русского государства вопрос о трансформации правящей в СССР коммунистической партии в национально-российскую или даже национально-русскую партию. Есть основание утверждать, что на какое-то время Сталин сделал партию национально объединяющей силой, чувство патриотизма приобрело высокое гражданское звучание и стало мощным орудием укрепления государства. Причем патриотизм носил, безусловно, великорусский характер, чему способствовал прежде всего сам Сталин, который в 1947 году писал, что «у нас все еще не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия». Как рассказывал в своих воспоминаниях В.М. Молотов, Сталин говорил: будет Россия, будет и Советский Союз, и всем будет хорошо. Интерес Сталина к вопросам языкоznания был связан с тем, что он считал, что, когда во всем мире победит советская власть, главным языком на земном шаре, языком межнационального общения станет русский язык.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». Эти евангельские слова Сталин, видимо, прекрасно помнил всю свою жизнь. Поэтому в своей поздней теоретической работе «Марксизм и вопросы языкоznания» он обратился именно к Слову.

Слово – начало начал Бытия. И Маркс, и Ленин всячески откращивались от этого, пытаясь все подчинить производству, экономическим законам, то есть Базису. Сталин хотел вернуть

Слову его изначальный, основополагающий смысл – Проповедь. Грузин Иосиф Джугашвили прекрасно понимал, что никого так легко не уговоришь, как русских людей. Именно русским он пытался передать в этой работе примат Слова. После войны, когда вновь поднялось национальное самосознание, не Базисы были нужны русскому народу и не Надстройки, а признание величавости и незыблемости их Духа – то есть Языка. Поэтому Сталин и писал: «Язык... коренным образом отличается от надстройки (...). Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. (...) Сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична» [1, 3, 323, 326].

По сути дела, непосредственно после окончания Великой Отечественной войны Сталиным предпринимается попытка из советской власти, основанной на диктатуре коммунистической партии, создать советскую национальную систему с главенствующей ролью именно русского народа, от которой был один шаг к полному возрождению великого национального Русского государства.

На этом пути Сталин делает ряд решительных шагов к очищению госаппарата от космополитических элементов, привлечению в него честных, работающих и бескорыстных русских людей, развитию чувства русского патриотизма, проведению традиционной русской внешней политики.

Однако эта политика Сталина не устраивала сионистские и космополитические силы большевистской партии. Против Сталина и его ближайших сподвижников был организован заговор, в результате которого сначала были ликвидированы самые верные ему люди («ленинградское дело»), а затем, по сведениям ближайшего окружения, тайно умерщвлен и он сам.

Парадокс, но порой в истории России первые лица в государстве, не имеющие ни капли русской крови, становятся настоящими русскими патриотами и делают для страны больше, чем некоторые «чистокровные русаки». Екатерина Вторая, например. Ведь все свое имперское величие Петербург обрел именно при ней, а не при Петре, загонявшем своими необдуманными, нелепыми и кровавыми реформами на-

род в тупик. Бесчисленные войны вел русский народ ради расширения границ нашего отечества. Но Сталин был совершенно прав, когда говорил: «Русские всегда умели воевать, но никогда не умели заключать мир». Он же после Великой Отечественной войны сумел заключить мир и выиграл все, что мог. Вот слова Молотова: «После войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах. Он приколол ее кнопками на стену. «Посмотрим, что у нас получилось: на Севере у нас все в порядке. Финляндия очень перед нами провинилась, и мы отодвинули ее границу от Ленинграда, Прибалтика – это исконная русская земля – снова наша, молдаване тоже вместе. Итак, на западе у нас нормально». И он перешел к восточным границам. «Что у нас здесь? Курильские острова наши, Сахалин полностью... Посмотрите, как хорошо – и Порт-Артур наш!» Он провел трубкой по Китаю: «Китай, Монголия – все в порядке» [5; 435].

Подведем итоги. Разумеется, великого государственного деятеля Сталина нельзя назвать великим философом и поставить его творческое наследие рядом с наследием Маркса и Энгельса. Основоположники были кабинетными учеными, по преимуществу оставившими лишь красивый завет-директиву: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [3; 3; 4]. Сталин был одним из российских марксистов, выполнивших эту задачу.

Именно к Германии, а не к России подходили слова Энгельса о том, что «немецкое рабочее движение является наследником немецкой классической философии» [3; 212; 317]. Российских рабочих мало интересовали как вопросы теории вообще, так и вопросы философии в частности. Российский марксизм – явление особое, как и вклад Сталина в российскую модификацию марксизма – особый вопрос. Именно у нас марксистская философия стала не догмой, а подлинным руководством к действию.

Сталин начал как ортодоксальный марксист и выступал в этом качестве как идеолог и политик на протяжении долгих лет. Лишь в своих последних работах он наметил пути создания **русской национальной идеологии, синтезирующей марксизм и достижения русской философской мысли**. Этой философской идеологии, которая и сегодня может послужить ос-

новой для возрождения нашей гибнущей Родины, присущи следующие черты:

1. Признание неразрывной связи материальных и идеальных начал бытия (своеобразный монодуализм, или «духовный материализм», если вспомнить выражение С.Н. Булгакова, пришедшего из марксизма в религию), а также таковой связи между наукой, философией и религией.

2. Признание человеческого бытия в качестве составной части космического целого, где человек, наделенный сознанием, выступает в качестве ведущего эволюционного фактора.

3. Тесная связь с данными науки без подчинения философии научному дискурсу, характерному для позитивизма. Философия обеспечивает частные науки универсальными гипотезами и обобщениями.

В своих поздних работах Stalin европейской истине противопоставил русскую «правду» – типично русское совмещение нравственной правоты и истины, которое как бы внутренне предполагает стоящие над жизнью единственность, незыблемость, абсолютное торжество «истинного бытия» над ложью, неправдой и несправедливостью космополитичного Запада.

В заключение хочу сказать несколько слов не как ученый, а как русский человек и патриот. Я думаю, что сталинистами не рождаются. Сталинистами становятся. Например, многие честные русские патриоты до недавнего времени никогда не были большими поклонниками Сталина. Но если дело пойдет так, как оно идет в нашей стране, то все честные люди станут сталинистами. Конечно, многие будут скрывать это, не показывать вида, лицемерить. Но где-то в затылочном сознании у нас будет запрятана мысль о том, что вообще-то пора ему появиться, чтобы успеть навести порядок в умах и делах. Чтобы призвать к ответу изменников за все преступления, совершенные против российской державы. За линию Бейкера - Шеварднадзе, за Крым, за южную Сибирь, за Новороссийские губернии Малороссии. За Россию, которая потеряла моря и не имеет выхода к ним. За «золотые руки» рабочего человека, ставшие ненужными. За миллион людей, умирающих каждый год вследствие предательских реформ демократов. За побирающихся пенсионеров. За русских девчонок, стоящих на панели. За кражу культурных ценностей из Эрмитажа. За падающие са-

молеты и гниющий хлеб. За превращение великой страны в ничтожный сырьевой придаток.

Не ужасно ли думать, что русские люди строили государство, создавали свои церкви, писали картины и книги, вели войны, возводили Днепрогэс и Магнитку, запускали космические корабли для того только, чтобы какой-нибудь курчавый и картавый юркий демократ обучал своего пучеглазого ребенка в Сорбонне, чтобы спекулянт-лавочник раскатывал на «Мерседесе», чтобы безграмотный чиновник купал свое по-бабы жирное тело в джакузи?! Для того ли сотни лет русские люди терпели нужду и проливали кровь, чтобы жирел «новый русский» на даче-крепости, чтобы носила жемчуга рыночная торговка?!

«Сталин» – это жест отчаяния. Последняя надежда найти управу на глупцов, пошляков и негодяев. Stalin – душегуб. И Ельцин – душегуб. Но душегубство последнего мелочное и по-

шлое. Оно нарушает законы не из великой страсти, а из лавочной хитрости, грязного порока. Из-за пьянства. У Сталина были дела, под которыми струилась кровь русского народа. Но была великая Мечта, пусть и утопичная. В наши времена есть только кровь. И нет никаких дел. Есть лишь наркотики и водка, и нет никакой мечты.

Стalin – это эстетический жест восстания против мерзости, которая подняла голову в твоей душе. Против диктатуры денег, которые стали в нашей некогда великой стране последней целью. К Stalinу взывают от бессилия и бесмыслицы, от ужаса перед всеобщей продажностью. Каждый из нас должен ответить за то, что последние двадцать лет мы не строили ракеты и заводы, не писали книги и картины, не мечтали и не любили. Stalin должен прийти, чтобы ужас появился на блудливом лице лавочника. Прийти и уйти. Но ведь он не уйдет. Вот в чем проблема.

Список использованной литературы:

1. Stalin И. В. Собрание сочинений в 3 т. Киров: ОАО «Семеко», 2004.
2. Медведев Рой. К суду истории. О Сталине и сталинизме. М., 2002.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.
4. Булгаков М.А. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. Жизнеописание в документах. СПб., 2002. С. 578.
5. Радзинский Э. Stalin. Жизнь и смерть. М., 2004.
6. Дудко Дмитрий, протоиерей. Послесловие // Лобанов М. Stalin. М., 1995. С. 342.